

— Беспокоишься? — Шэнь Сичжоу окончательно вышел из себя, издал издевательский смешок и выругался: — Ты, блять, допрашиваешь меня как преступника. Сказал красиво! Беспокоишься?

Хэ Цюянь ответил:

— Нет.

— Останови машину! — повысив голос и отчетливо чеканя каждое слово, потребовал Шэнь Сичжоу. — Сейчас же, немедленно останови машину.

Хэ Цюянь сбросил скорость, снова припарковал машину у обочины и повернул голову к Шэнь Сичжоу, у которого тяжело вздымалась грудь:

— Отсюда до гостевого дома очень далеко.

Уголки губ Шэнь Сичжоу чуть приподнялись, и от всего его вида повеяло опасной мрачностью. Он уставился на Хэ Цюяня и с полуулыбкой процедил:

— Я не выйду из машины.

Хэ Цюянь снова просто смотрел на него, ничего не говоря.

Шэнь Сичжоу медленно расстегнул ремень безопасности, затем, повернув ладони вверх, поманил Хэ Цюяня пальцем. Хэ Цюянь слегка подался вперед, приближаясь к нему.

Шэнь Сичжоу одной рукой намертво вцепился ему в воротник, а другой крепко зажал подбородок. словно этого ему было мало, он сжал пальцы на подбородке Хэ Цюяня и заставил того вскинуть голову — теперь Хэ Цюянь был вынужден смотреть снизу вверх прямо ему в глаза.

— Ты что, гей? — Шэнь Сичжоу говорил очень медленно, но в голосе сквозила жесткость. — Тебе так интересно, гомофоб я или нет... Что, переспать со мной хочешь?

Хэ Цюянь не увернулся. Он отрешенно посмотрел на небольшой круглый шрамик под глазом Шэнь Сичжоу, мыслями унесясь куда-то далеко. Довольно неуклюже подняв палец, он слегка ткнул в это место и спросил:

— Раньше здесь была родинка?

— Да ты, блять... — Шэнь Сичжоу от злости едва не рассмеялся. — Ты больной?

— Хочешь заняться со мной сексом? — неожиданно спросил Хэ Цюянь. — Думаю, для секса на одну ночь было бы неплохо.

В глазах Шэнь Сичжоу внезапно вспыхнул алый блеск. Он разжал пальцы на вороте Хэ Цюяня, сжал кулак и со всего размаху врезал тому в левую щеку. Сдерживаться он не стал: от этого удара голову Хэ Цюяня откинуло в сторону, а во рту мгновенно ощутился солоноватый привкус крови с металлическим отливом.

Шэнь Сичжоу холодно смотрел на него. Хэ Цюянь усмехнулся и произнес:

— Такой замах... ты что, левша?

Проливной дождь, как и ожидалось, грянул вовремя. Бурный водный поток обрушился на крышу автомобиля и заструился по стеклам.

Какое-то время в салоне был слышен лишь непрерывный барабанный дробь дождя.

Шэнь Сичжоу откинулся на спинку сиденья, с неожиданной усталостью помассировал переносицу, достал из рюкзака бутылку содовой, отвинтил крышку, протянул Хэ Цюяню и тихо сказал:

— Прополощи рот, у тебя кровь на губе.

Хэ Цюянь взял бутылку, толкнул дверцу и вышел на улицу. Стоя на обочине, он запрокинул голову, прополоскал рот и сплюнул.

Шэнь Сичжоу смотрел на него сквозь запотевшее стекло. Дождь мгновенно вымочил волосы Хэ Цюяня. В этой гудящей тишине Шэнь Сичжоу отстраненно подумал о том, что штурмовка у Хэ Цюяня и вправду отличного качества — сразу видно, цена соответствует. Боссом быть прибыльно, конечно, но этот человек ведет дела спустя рукава, гостевой дом еле дышит. Наверное, какой-нибудь мажор-гранжира, приехавший бог весть откуда.

Тогда почему, почему Хэ Цюянь так надолго засел здесь? Нет, не засел — просто остановился на время.

Сквозь пелену туманного дождя Хэ Цюянь обернулся и посмотрел на него. Хотя снаружи было совершенно не разглядеть то, что внутри, Шэнь Сичжоу рефлекторно отпрянул от этого взгляда.

В горле мгновенно пересохло, но единственная бутылка воды уже была отдана Хэ Цюяню.

За окном дождь с бешеной яростью продолжал свою прощальную песнь. Волосы Хэ Цюяня

промокли насквозь, дождевая вода липла к лицу, стекая от уголков глаз к подбородку.

В своей штурмовке и треккингových ботинках он стоял посреди ливня и с ледяным спокойствием смотрел на машину.

Шэнь Сичжоу почему-то почувствовал, что с него хватит.

Он опустил стекло и заорал во весь голос:

— Ты, блять, больной!

Казалось, вместе с этим криком выплеснулись все накопившиеся эмоции, и ему вдруг стало невероятно легко. Косой поток дождя влетел в полуоткрытое окно — ледяной, яростный, бесцеремонно окативший щеку Шэнь Сичжоу.

Он выкрикнул снова:

— Ты что, совсем больной?!

Хэ Цюянь наконец перестал торчать на месте изваянием. Его взгляд, словно зацепившийся за нитку свитера коготок, снова прилип к Шэнь Сичжоу. Шэнь Сичжоу от этого взгляда взбесился и решительно задернул окно.

Но этот взгляд по-прежнему не отрывался от него.

Хэ Цюянь подошел к багажнику, достал две бутылки содовой и сел на водительское сиденье. С каждой пряди его волос капала вода, стекая по лицу. Хэ Цюянь швырнул бутылку на колени Шэнь Сичжоу, а затем вытащил полотенце, чтобы высушить волосы; капли дождя при этом падали Шэнь Сичжоу на пальцы, на ладонь, расплываясь темными пятнами на одежде.

Шэнь Сичжоу сжал ладони в кулаки.

Они молча сидели в эпицентре бушующего ливня.

Меньше чем через полчаса дождь поутих.

Хэ Цюянь заговорил — голос его звучал низко и глухо:

— Прости.

Шэнь Сичжоу по-прежнему смотрел прямо перед собой.

— Прости, я сорвался, задел тебя, вызвал неприятные чувства. Гостевой дом не должен вызывать у гостей такие эмоции. Если ты не хочешь оставаться в Суне до конца срока, я верну тебе деньги за этот месяц и вдобавок выплачу компенсацию за еще один месяц — в качестве возмещения морального ущерба. — Хэ Цюянь сложил полотенце и принялся вытирать руки — тщательно и медленно. — То, что я сказал раньше, не было тем, что я на самом деле думал. Хотя я понимаю, что сейчас любые мои слова покажутся оправданиями. Прости.

Снова воцарилась тишина. Дождь прекратился окончательно, но Хэ Цюянь больше не проронил ни слова.

Измощенным голосом Шэнь Сичжоу произнес:

— У меня только один вопрос.

Хэ Цюянь бросил полотенце на заднее сиденье и ответил:

— Спрашивай.

Шэнь Сичжоу закрыл глаза и спокойно спросил:

— Почему у тебя ко мне столько вопросов?

Хэ Цюянь сжал губы. Долгое время он молчал, а затем внезапно уронил голову на руль и тяжело выдохнул:

— Ты не похож на остальных, кто сюда приезжает.

Он снова вздохнул:

— Ты хочешь здесь умереть.

Шэнь Сичжоу резко распахнул глаза, его тело едва заметно вздрогнуло.

Солнце вновь начало выглядывать из-за туч, словно все произошедшее было лишь глупой шуткой над миром: игра в прятки закончилась, и оно триумфально вернулось на свое место.

Шэнь Сичжоу сделал глубокий вдох и в этой застывшей атмосфере, взвесив все за и против, первым произнес:

— Извини.

Хэ Цюянь все еще лежал лицом на скрещенных на руле руках. Шэнь Сичжоу тихо сказал:

— Я действительно подумывал покончить с собой в этих местах. Я не подумал о том, как это отразится на дальнейшей судьбе твоего гостевого дома, и я сожалею об этом.

Теперь настала очередь Хэ Цюяня молчать. Он закрыл глаза, больше не глядя на отстраненно-вежливую улыбку Шэнь Сичжоу.

Шэнь Сичжоу усмехнулся:

— Так ты, значит, проводил рекогносцировку?

Веки Хэ Цюяня слегка дрогнули, но глаз он так и не открыл. Из самой глубины его горла вырвалось еле слышное:

— Угу.

— Можешь не переживать, со мной тут никаких несчастий не случится, в конце концов, твой гостевой дом... — он вздохнул. — Я не гомофоб. Просто не привык и не люблю близких контактов с другими людьми... ни с парнями, ни с девушками.

Подумав немного, он добавил:

— И... ты мне не противен.

— Можно считать, что я тоже погорячился, прости за тот удар, — Шэнь Сичжоу поставил точку в этой резкой перемене событий. — Квиты.

На самом деле это был отличный финал. Хэ Цюянь открыл глаза и долго-долго смотрел на Шэнь Сичжоу.

Яркие лучи солнца били прямо в лобовое стекло внедорожника, рассекая пространство между ними надвое, словно непреодолимый горный хребет. Они видели глаза друг друга, стоило протянуть руку — и можно было коснуться чужого тела. Но в то же время казалось, что сделать ничего нельзя. Это солнце пришло вовремя, донельзя вовремя разделив их по разные стороны безопасных границ, куда никому нет хода.

— Хорошо, — ответил Хэ Цюянь.

От гостевого дома до снежной горы Мэйли на машине ехать больше четырех часов в один конец. Когда они добрались до места, было уже около четырех часов пополудни.

Шэнь Сичжоу уже забыл, что именно должен был почувствовать при виде снежных вершин.

Его взгляд давно зачерствел среди городской суеты, на широких проспектах Ляньчэна и в переполненных местных супермаркетах, где люди толкаются в поисках выгоды.

Но стоило снежной горе Мэйли взглянуть на него, как его зрачки словно сами собой очистились от всей пыли и тумана, пробили пелену мирской суеты и встретились взглядом с десятками священных вершин, что веками неколебимо стоят здесь.

Время, скорость моргания, дыхание — все замедлилось.

Движение облаков, колыхание молитвенных флажков, дуновение ветра, стук... сердца.

Вершины снежных пиков почти тонули в небесном океане облаков, склоны и растительность казались темными силуэтами, отчего ослепительная белизна ледников казалась еще чище. Словно... словно... Шэнь Сичжоу огляделся: неподалеку от них стояли двое парней и, улыбаясь, смотрели на снежную гору. Спустя мгновение они на секунду прикоснулись друг к другу губами.

Шэнь Сичжоу торопливо отвел взгляд, но один из парней посмотрел на него в ответ и улыбнулся.

Шэнь Сичжоу понял, на что это похоже.

Это было похоже на глаза тибетцев, которые прожили здесь долгие-долгие годы — величественные, прекрасные, порой таящие скрытую угрозу, но чаще исполненные глубокого сострадания.

Высокие горы, метели, бушующие вихри — нет, на самом деле это больше походило на тот хадак, который на второй день его прибытия Мэй До благоговейно накинула ему на шею, а он самбребро небрежно швырнул в мусорное ведро.

Ему вдруг стало невыносимо жаль. Ведь это была вещь, которую стоило сохранить, а не выбрасывать после слов благодарности.

Он так и замер перед грандиозной грядой сросшихся вершин, задрал голову и глядя ввысь. Там, над отвесными скалами, он вступал в безмолвный диалог с сияющими горными массивами; священные горы смотрели на него с пиков, а он стоял у подножия, встречаясь с ними взглядами перед лицом этой исполинской, масштабной природы.

Белика Вселенная, и все сущее — лишь соломенные собаки для жертвоприношений, а они сами ничтожны, как плывущие облака.

Шэнь Сичжоу произнес:

— Как же ничтожен человек.

— Бескрайнее небо и просторная земля — только тогда и осознаешь всю бесконечность космоса, — тихо проговорил Хэ Цюянь. — Шангри-Ла прекрасна. Можешь почаще выходить на прогулки, лучше узнать этот город.

Шэнь Сичжоу усмехнулся и ответил столь же тихим голосом:

— Я не останусь здесь надолго. Разве есть разница, узнаю я его или нет?

Хэ Цюянь долго молчал. Подняв глаза на вершины гор, он наконец произнес:

— Не разочаровывай ее.

— Не разочаровывать? — Шэнь Сичжоу покатавал это слово на языке, придавая ему двойкий смысл, затем неожиданно зашелся в кашле и хрипло бросил:

— Не пытаться ее узнать — это лучшее проявление верности ей.

Хэ Цюянь больше ничего не сказал.

А Шэнь Сичжоу прибегнул к жестокому приему и спросил:

— А ты сам-то раньше бывал здесь?

<http://bllate.org/book/25607/3053995>